

ЕКАТЕРИНА ВИЛЬМОНТ

*про жизнь
и про любовь*

**Кино
и немцы!**

Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт

Екатерина Вильмонт

Кино и немцы!

«АСТ»

2005

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вильмонт Е. Н.

Кино и немцы! / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2005 — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт)

ISBN 978-5-17-098624-8

Вроде бы совсем обычный Новый год, который люди так часто отмечают в теплом семейном кругу, вдруг превратился для Майи в кутерьму из событий и неожиданных встреч. И старт Новому году дал чужой ребенок, позвонивший в дверь ранним утром первого января, – настоящий новогодний подарок, с которым в жизнь героини пришли и новые друзья, и новая любовь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098624-8

© Вильмонт Е. Н., 2005
© АСТ, 2005

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Екатерина Вильмонт

Кино и немцы!

Святочная история

«Бенбери умер!»

Оскар Уайльд. «Как важно быть серьезным»

- Майка, ты на Новый год опять в Питер? Тебе не надоело?
- Может, и надоело, но ты же знаешь, у меня там тетка, она одинокая, старая и мой приезд для нее – праздник, – вяло ответила Майя.
- А если для разнообразия тетка приедет к тебе в Москву?
- Ну что ты, ей тяжело, она старенькая.
- А я думала...
- Что ты думала? Очередного жениха мне нашла?
- Ну не то чтобы жениха, а все-таки... Просто у нас женщин в компании маловато.
- Надо же! Редкий случай! – улыбнулась Майя. – Обычно бывает наоборот.
- Ну ты же знаешь, я девушка нестандартная. Ты уже и билет купила?
- Конечно.
- Жалко. Ну ладно, вольному воля!

До этого разговора Майя не была уверена, что хочет в этом году в Питер, но, положив трубку, встала, оделась и поехала на вокзал, благо близко – пять остановок на троллейбусе.

У нее не было тетки в Питере, у нее вообще никого не было. Эту тетушку она придумала, чтобы не сидеть одной в праздники и не быть обузой в компаниях. Одинокая женщина в компании – это проблема. Ее надо провожать, да и вообще... А так она всем говорила, что уезжает тридцатого, и не подходила к телефону, не высовывала носа из квартиры, а уезжала тридцать первого. В вагоне поезда всегда находились люди, с которыми можно было встретить праздник, выпить бокал шампанского, поговорить... А утром выйти на Московском вокзале, вдохнуть сырой, холодный питерский воздух и отправиться гулять по любимым местам дивного города, отдыхая в кафе. К вечеру она уставала так, что в поезде, везущем ее назад, в Москву, спала, как говорится, без задних ног. А утром с удовольствием возвращалась домой, в свою уютную однокомнатную квартиру, после питерской холодной бесприютности казавшуюся поистине поительным гнездышком.

С Питером ее связывало многое. Ее мать была родом из Ленинграда и ездила туда каждый год. Впервые она взяла Майю с собой, когда девочке исполнилось шесть лет. Они остановились в гостинице. Не в какой-нибудь, а в знаменитой «Астории», в громадном двухкомнатном номере со старинной мебелью и просторной ванной. Все это поразило воображение маленькой девочки невиданной роскошью и ледяным холодом – в гостинице испортилось отопление, а номер был угловой, месяц – ноябрь, но одно из громадных окон было завешено портретом космонавта Николаева – город готовился к ноябрьским праздникам. Мама тогда смеялась, говорила, что теперь Андриян Николаев ее любимый мужчина, что он спасает их от окончательной гибели. Действительно, в другом номере, где жил кто-то из маминых знакомых, было еще холоднее. В ресторане на завтрак Майя ела удивительно вкусную штуку – гурьевскую кашу. Ее подавали в металлической раскаленной сковородке. Под румяной корочкой были сухофрукты

и манная каша. А за соседним столиком завтракал пожилой иностранец. Он сидел в пальто – впрочем, все посетители были в пальто – и ел яйца всмятку. Казалось бы, подумаешь невидаль – яйца всмятку! Но как он это делал! Ножичком срезал верхушку яйца одним движением, просто сносил ее, потом солил яйцо и мазал горчицей! Майя много раз пробовала так срезать верхушку, но у нее ничего не получалось. Прошло тридцать лет, а она помнит этого иностранца, кажется, он был англичанин. Мама, кстати, тоже пробовала так обращаться с яйцом и у нее тоже ничего не получилось, зато она стала есть яйца с горчицей. Еще с той поездки Майя запомнила чудный спектакль в Большом драматическом театре, веселую грузинскую комедию «Ханума». Ах, как они с мамой смеялись тогда, как пели куплеты оттуда: «Над рекой стоит гора, под горой течет Кура!» Теперь у Майи есть видеозапись этого спектакля и в минуты хандры она ставит эту кассету... А еще она отчетливо помнит, как шла с мамой по Невскому и вдруг они встретили какого-то мужчину, маминого знакомого. Они с мамой обрадовались, расцеловались и стали говорить как-то странно – хоть и по-русски, но Майя почти ничего не понимала, и ей стало почему-то страшно, тревожно и она заплакала, а мама рассердилась на нее... После смерти мамы, разбирая ее архив, Майя нашла несколько фотографий того мужчины и письма от него. Он был маминой любовью...

И она свою любовь встретила в Ленинграде и там же вышла замуж и была безумно счастлива... полгода, а потом счастья уже не было, была просто жизнь. Через пять лет он ушел от нее, и она вздохнула с облегчением. Без него ей лучше дышалось. И вернулась в Москву, в трехкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей. Устроилась на хорошую работу и начала новую жизнь – одинокой женщины, от которой страдала только в праздники. А когда фирма прогорела и работы не стало, она продала большую квартиру, купила однокомнатную, благодаря чему выжила в тот год, что сидела без работы. Он запомнился ей тем, что она почти все время проводила, лежа на диване с книгой. Перечитала все собрание сочинений Бальзака, а потом школьная подруга Инна создала свое рекламное агентство и пригласила Майю с ее филологическим образованием к себе.

– Реклама должна быть грамотной! Вот ты за этим и будешь следить. А то: «Кофе Чибо. Давать самое лучшее!» – это что? Это на каком языке? Я не переживу, если такое выйдет из моего агентства, – говорила она, убеждая Майю взяться за эту работу.

– Но зачем я тебе? Ты и сама грамотная! – удивлялась Майя.

– Ага, но это с утра! А к вечеру у меня в голове уже все путается! И потом, у меня образование техническое, и я не могу аргументированно объяснить этим козлам-рекламодателям, что говорить надо жалюзи, а не жалюзи! А мы над твоим рабочим местом повесим красный диплом филфака!

Диплом на стенку вешать не стали, но иной раз Майе удавалось при помощи специальной терминологии и чувства юмора запудрить мозги малограмотным заказчикам, к тому же сама изысканно-интеллигентная внешность и манеры этой женщины, не очень вязавшиеся с обстановкой и стилем рекламного агентства, действовали умиротворяюще. Правда, не всегда. Один непробиваемый идиот-заказчик, послушав ее доводы, вдруг стукнул кулаком по столу:

– Хватит мне мозги компостировать, цаца сыровяленая!

– Почему сыровяленая? – опешила Майя.

– Свежезамороженная тебе больше нравится? – рявкнул он и ушел, хлопнув дверью.

Она ужасно расстроилась. Еще бы, упустила клиента. Но Инна ее успокоила:

– Не расстраивайся! Придет, куда он денется! У нас дешевле...

Он и в самом деле вернулся, но занималась им сама Инна. Тут филология была бессильна.

– Простите, на завтра билеты до Питера есть?

– На какой поезд?

– Хорошо бы на «Стрелу».

– Пожалуйста. Завтра мало кому охота в поезде трястись, – улыбнулась кассирша. – Праздник все ж таки. Будете брать?

– Да. – Майя уже открыла сумку, достала кошелек, но что-то вдруг словно ударило ее в грудь, заболело сердце. – Извините, а если завтра прийти? Я забыла деньги.

– Ничего, и завтра билеты будут, не волнуйтесь. – Кассирша заметила, что женщина вдруг побледнела и губы задрожали. – Не волнуйтесь, – повторила она.

– Спасибо вам.

Дура, сказала Майя сама себе, какая же я дура! Неужто мне мало? Хватит жить жизнью оскарвайльдовского Альджернона. Тетка в Питере – это мой Бенбери. Надо объявить всем подругам, что Бенбери, то бишь тетушка, – умер. То, что невероятным усилием воли она загнала куда-то далеко-далеко, то, от чего ей все-таки удалось отчасти освободиться, сейчас, у кассы Ленинградского вокзала, вдруг ожило с невероятной остротой, и боль стала почти переносимой.

Это произошло ровно год назад здесь же, у кассы Ленинградского вокзала. Она встретила взглядом с мужчиной, который поразил ее в самое сердце. Он был очень похож на ее старшего брата, погибшего в Афганистане. Только у брата глаза были голубые, а у этого светло-серые. Он, видимо, неверно истолковал ее ошеломленный взгляд и улыбнулся. Улыбка начисто стерла всякое сходство с Толей, и она смущенно и беспомощно улыбнулась в ответ. На этом инцидент был исчерпан. А ночью в вагоне они столкнулись снова, вместе встретили Новый год и уже не расставались целых три дня. С вокзала он повез ее в свою квартиру, странную холостяцкую берлогу на Карповке, бывшую когда-то частью огромной коммуналки. Там была очень большая комната, внутри которой имелась вторая, круглая, служившая спальней, а у каждого из четырех углов большой комнаты было свое назначение – кухня, кабинет, столовая и гостиная. Туалет и душ располагались в крохотном закутке за пределами странного обиталища. Но Майе там все безумно понравилось. Его звали Денисом. Ей казалось, что никогда прежде она не была так влюблена и счастлива. Каждое его прикосновение повергало ее в трепет, от звуков его голоса по спине бежали мурашки. Господи, я нашла свою половинку, думала она, глядя на спящего Дениса. Я люблю его... И хочу всегда быть с ним, всегда жить в этой дурацкой квартире, хочу родить от него ребенка... Три дня пролетели как одно мгновение. Пора было возвращаться в Москву, на работу. Она была уверена, что он скажет ей: «Не уезжай, Маюша! Мне будет без тебя плохо!» Надежды эти возникли не на пустом месте. Он все три дня и три ночи твердил ей, как ему с ней хорошо, как плохо и одиноко было без нее. Но когда она сказала, что уезжает, он кивнул со вздохом: что ж делать, надо – значит надо, и поехал провожать ее на вокзал. Уже в такси она почувствовала некое отчуждение, а на перроне он заявил, целуя руку:

– Прощай, Маюша, все было чудесно. Настоящий новогодний подарок, спасибо тебе! Но давай расстанемся пока не поздно, пока все это не утратило романтической прелести. Эта история пахнет елкой и мандаринами! Но ведь не может вся жизнь пахнуть елкой и мандаринами! Да и не нужно! Прощай!

И оставив ее в полном обалдении, он быстро ушел. Она не успела даже слова вымолвить. Домой она вернулась совершенно разбитая и объяснила это тем, что тетка в Питере заболела и пришлось у нее задержаться. Было, дескать, очень тревожно, два дня она находилась между жизнью и смертью, но теперь, слава богу, все прошло... Инна посматривала на нее весьма скептически, явно подозревая, что есть еще причина для столь плачевного вида подруги. Но молчала. Она была тактичной женщиной.

Майя поспешно покинула вокзал. Зачем, зачем опять наступать на те же грабли? Ведь, приехав в Питер, она непременно отправится на Карповку, к тому дому... Неужели нельзя поехать в любой другой город, точно так же слоняться целый день и ночным поездом вернуться обратно? Зачем ехать туда, где уже дважды рухнула жизнь? Тебе мало, дура? Ты все надеешься на новогодние чудеса? Было уже такое новогоднее чудо, было и хватит. Ты поняла, что чудес на

свете не бывает, а если бывают, то их хватает разве что на три дня. Иди домой, приготовь что-нибудь вкусное и встреть Новый год у телевизора, как встречают его тысячи одиноких женщин. Конечно, ты могла бы пойти в компанию, но там тебе будет плохо, к тому же все будут спрашивать, почему ты не поехала к престарелой и такой любимой тетушке. Тетушку надо срочно похоронить. Бенбери умер! чтобы больше не было соблазна... Решено, после праздников... Ох, а ведь в этом году праздники какие-то бесконечные, аж до одиннадцатого января. Черт знает что! Ничего, займусь квартирой. Надо устроить генеральную уборку. Разобрать вещи, отдать кое-что в чистку, погладить, накопились уже горы глажки. Это куда правильнее и разумнее, чем таскаться целый день по городу, холодному, неприветливому, и терзать себя воспоминаниями. В прошлом году ей удалось избавиться от них только к середине марта, а сейчас нахлынуло с новой силой. Господи, она даже не знает, кто он был, этот Денис. Не удосужилась спросить, идиотка! Хотя он вряд ли ответил бы правду. У нее нет даже уверенности, что его и в самом деле зовут Денисом. Скорее всего никакой он не Денис. Просто проходимец, первый попавшийся проходимец, а я от одиночества и безнадежности сошлась с ним стремительно, не задумываясь. Хорошо еще ничем не наградил...

Или лучше все-таки уехать куда-то? Но куда? В чужой, совсем незнакомый город ехать боязно. Хотя чего бояться? Хуже, чем в прошлом году в Питере, не будет. А зачем вообще куда-то ехать? Идиотизм, детский сад, дурацкая, неистребимая вера в чудо. Когда-то в пионерском лагере одна девчонка, изображая из себя гадалку, сказала ей: ты встретишь свою судьбу в поезде в Новый год. Собачья чушь! А может, завести собаку? Да, именно! Она будет жить у меня, зависеть от меня, нуждаться во мне, а мне будет кого любить. По крайней мере собака точно не скажет «спасибо и прощай»... Эта мысль вдруг так понравилась ей, что она решила пойти домой пешком. Вдруг попадется бездомная собака, которую я возьму и буду о ней заботиться... Говорят, у собачников, постоянно гуляющих в одном и том же месте, возникают дружбы и даже романы... Нет, романов я не хочу! Но как назло ни одной бездомной собаки ей не встретилось. Зато попался мужик, торговавший еловыми ветками, и она купила у него три ветки. Пушистые, пахучие, «Новый год должен пахнуть елкой и мандаринами!» А вот мандаринов покупать не буду! Лучше апельсины. Ей понравилась мысль встретить Новый год дома. Может, именно дома в Новый год меня ждет чудо? Нехитрая мысль о том, что не надо искать счастья за тридевять земель, так потрясая население когда-то самой читающей страны мира, которую оно почерпнуло из поповской притчи Коэльо, позабавила Майю. Счастье – это вряд ли, но покой и тепло на Новый год ей гарантированы, разумеется, если не выйдет из строя отопление. Когда она не предавалась жгучей жалости к себе, у Майи было неплохое чувство юмора, позволявшее иной раз посмеяться над собой. Это и спасало. Как хорошо дома: тепло, уютно, теперь вот еще и хвоей пахнет. На антресолях стоит коробка с елочными игрушками, но лезть за ними было лень и она украсила веточки бусами и клипсами. Получилось очень мило. Потом сбегала в магазин, купила разных вкусностей и фруктов – яблок, груш, винограда.

Апельсины решила не покупать, все-таки цитрусовые... Тридцать первого утром долго валялась в постели, смотрела по телевизору старые фильмы и чем дальше, тем больше ей нравилась мысль встретить праздник дома. А то в последние годы все знакомые обсуждали новогодние телепрограммы, а она никак не могла принять участия в этих беседах. Пришлось даже наврать, что тетушка терпеть не может телевизора, она, мол, так изысканна и старомодна, что не может выносить телевизионную пошлость. Ей вообще пришлось столько придумать о тетушке, что у той сложилась даже целая биография. Ленинградская блокада, потом ее, умирающую, нашел какой-то военный, приехавший к жене с фронта, а жена уже умерла с голоду, и он не смог оставить умирающую соседку... Все продукты, которые привез жене, он отдал ей, и она выжила, а потом он опять приехал, и у них начался роман, он женился на ней, а в сорок девятом их обоих арестовали. Она выжила, а он погиб в лагерях, и тетушка всю жизнь любила только его...

– Да, эти женщины умели любить, – вздыхали коллеги, утирая слезы. Самое смелое, что она сама поверила в существование тетушки-аристократки, сроднилась с нею, еще бы, ведь тетушка была плодом ее собственной фантазии. Однажды она даже поймала себя на том, что стоит у прилавка и думает: а не купить ли тетушке вот этот теплый платок? Он такой большой, уютный, а в Питере зимой так промозгло...

Но в семь вечера ею вдруг овладела такая тоска, такое отчаяние, что она оделась и помчалась на вокзал. Встала в очередь за билетами, но когда до окошка кассы оставалось совсем немного, ее вдруг зазнобило, она закашлялась до слез. Я заболела! Куда ж ехать в Питер, где даже голову негде преклонить? С ума я, что ли, сошла? И она вышла из очереди.

– Женщина, вы стоять будете? – крикнул кто-то ей вслед, она только рукой махнула, ее душил кашель. Все решилось само собой! Никакого новогоднего чуда, просто грипп! А уж с гриппом, понятное дело, надо сидеть дома, даже не сидеть, а лежать. Мысль о теплой постели была отрадной. Она добралась до дома, купив по дороге каких-то таблеток, наглоталась их и легла в постель.

Уснула мгновенно. А проснулась в половине двенадцатого, прислушалась к себе и с изумлением поняла, что чувствует себя совершенно здоровой. Ни кашля, ни температуры, ни озноба. Неужто так подействовали какие-то таблетки? Или это было нервное? В подкорке сидела мысль, что ехать нельзя, вот организм и придумал ей грипп, как она придумала тетушку Ангелину Игнатьевну! Да, интересно! Ну что ж, такое надо отпраздновать! Она встала, надела новые трусики, лифчик и колготки. Говорят, в Новый год надо надевать три новые вещи. Посмотрела телевизор, выпила вина, поела и опять завалилась спать, вполне довольная жизнью. И решила, что утром будет спать сколько влезет! Но проснулась рано, съела грушу и подумала: как хорошо дома! Блаженно потягиваясь, включила телевизор и с наслаждением стала смотреть детский фильм, старую «Снежную королеву» с юной Прокловой. И вдруг в дверь позвонили. Она испугалась, словно застигнутая на месте преступления. Накинула халат и выскочила в прихожую. А может, затаится, не открывать? Звонок повторился. Она прильнула к глазку. Никого не увидела.

– Кто там? – спросила на всякий случай.

– Откройте, пожалуйста! – раздался в ответ детский голос.

– Тебе кто нужен?

– Инга Григорьевна!

– Тут таких нет.

– Как нет? – голос прозвучал испуганно.

Майя открыла дверь. На площадке стояла девочка лет десяти. Пухленькая, веснушчатая, в красной шляпке и клетчатом пальто.

– Ты откуда, Красная Шапочка? – невольно улыбнулась Майя.

– Из Лахти.

– Лахти? Это, кажется, в Финляндии?

– Да, я приехала с папой! А где же мама?

– Какая мама? – поразилась Майя.

– Моя мама, Инга Григорьевна Сорочко. Она тут живет, вот адрес!

Девочка протянула ей бумажку. Адрес был Майин.

На лестнице дуло.

– Ты заходи, разберемся, – подбодрила она девочку, у той был испуганный вид.

– Меня зовут Василиса, а вас? Можно я сумку тут поставлю?

Сумка была объемистая.

– Давай сюда, она тяжелая?

– Да. Спасибо! А вас как зовут?

– Майя. Снимай пальто, Василиса! Ты есть хочешь?

- Нет, спасибо, мы с папой завтракали в самолете.
- А где же твой папа?
- Он уехал в Киев.
- Как уехал? – поразились Майя.
- Он на самолет опаздывал, довез меня, сказал, чтобы я пожила три дня у мамы. – Глаза девочки наполнились слезами. – А мамы нет... Она раньше тут жила...
- Господи, что за кошмар! А как же он... твой папа... Он маму предупредил?
- Он сказал, что это будет новогодний сюрприз для мамы. Она откроет дверь, а на лестнице я...
- Твой папа полный кретин, подумала Майя.
- Ну ничего, что-нибудь придумаем, поищем твою маму... А пока побудешь у меня.
- Правда?
- Правда, не выгоню же я тебя на мороз... Но папа... У него есть телефон? Он не мог успеть далеко уехать.
- Конечно! – обрадовалась Василиса. Она вытащила из кармашка мобильник. Набрала номер. – Выключено!
- Таких отцов надо убивать! – подумала Майя.
- А вы тут давно живете?
- Два года. А ты почему спросила?
- Тетя Майя, а нельзя как-нибудь найти мою маму? Может, через Интернет?
- У меня, к сожалению, нет компьютера. Можно, конечно, сходить в Интернет-кафе...

А кто твоя мама?

- Балерина.
- А где она танцует?
- В кабаре.
- Час от часу не легче.
- Ты давно ее не видела?
- Почти два года. Мы с ней на вокзале встретились, когда в Финляндию уезжали. Папа с мамой поссорился, отсудил меня у нее, и мы уехали в Екатеринбург, к бабушке. А потом папа устроился на работу в Финляндии... Мама не сказала, что переезжает... Они с папой все время ругались...
- Знаешь, я, кажется, придумала, как нам найти твою маму! Конечно, сегодня не самый подходящий для этого день... Но попытка не пытка. Ты вот поешь все-таки... Пирожное хочешь?
- А какое? – деловито осведомилась Василиса.
- Есть эклер, есть наполеон.
- А можно сначала наполеон, а потом эклер?
- Можно, – улыбнулась Майя, – но может, сперва бутерброд?
- Нет, спасибо. Лучше пирожные.
- Вообще-то я тебя понимаю. Вот, садись, а мне надо позвонить. Чаю налить?
- Да ну его. А лимонадику у вас нет?
- Увы, чего нет, того нет.
- А какао?
- Какао? Какао где-то, кажется, было! Ага, вот!

Она заварила девочке какао и пошла в комнату звонить. Понимая, что, если ее пошлют куда подальше первого января утром, она не вправе будет обижаться.

Но на ее звонки просто никто не ответил. Господи, подумала Майя, а если бы я все-таки поехала в Питер, что было бы с ребенком? Но что же это за отец? Чудовище какое-то! И

как ему удалось отсудить девочку у матери? Или мать совсем уж пропащая? А девчонка такая славная! Красная Шапочка.

– Можно? – заглянула в комнату Василиса.

– Заходи. Ты сыта?

– Да. Спасибо.

– Слушай, Василиса, а как ты с папой договорилась?

– Он сказал, что четвертого заедет за мной к маме.

– Ну вот что! Я сегодня, в первый день праздника, никуда не дозвонилась. Ты пока остаешься у меня.

– Но я к маме хочу... – насупилась девочка.

И тут Майю осенило. Вдруг кто-то из соседей помнит эту Ингу? На этаже было четыре квартиры, в одной из них жила пожилая дама с очаровательной коричневой таксой. Вот к ней, пожалуй, можно заглянуть в одиннадцать утра первого января. Надо только чем-то занять Красную Шапочку.

– Послушай, Василиса, ты можешь одна побыть минут двадцать?

– А вы куда?

– К соседке зайду, вдруг она помнит твою маму и что-то о ней знает.

– А можно я телевизор посмотрю?

– Ну конечно!

В ответ на звонок раздался громкий лай. Значит, соседка дома.

– С Новым годом, – улыбнулась Майя.

– С новым счастьем, Маечка! Заходите, вы не уехали к тетушке?

Майя открыла было рот сказать, что тетушка умерла, но у нее язык не повернулся.

– Тетушка в санатории, – ляпнула она первое, что пришло в голову. – Генриетта Павловна, простите, что беспокою вас в праздник...

– Да какое там беспокойство! Я вам рада. И вот Флавий тоже рад, видите, как хвостом виляет. Садитесь. Хотите кофе? У меня есть вкуснейший рулет с орехами, курагой и изюмом. Попробуйте, очень рекомендую.

– Сами пекли?

– Разумеется.

– Очень вкусно, спасибо. Извините, Генриетта Павловна, у меня к вам дело.

– Слушаю вас, Маечка. Но рулет все-таки ешьте.

– Я ем, спасибо. Так вот... Вы знали Ингу, которая раньше жила в моей квартире?

– Ну, разумеется. Малоприятная особа была. А почему вы спросили?

Майя торопливо объяснила соседке, в чем дело.

– О господи! – всплеснула руками старая дама. – Неужто такое возможно? Это же сюжет для фильма!

Генриетта Павловна когда-то работала редактором в объединении «Экран».

– И вы хотите найти Ингу?

– Конечно. Девочка рвется к матери.

– Я понятия не имею, где ее искать, я не поддерживала с ней отношений. Но меня поражает отец. Какая фантазмагорическая безответственность! Ничего не узнав, привезти ребенка и бросить одного? Невероятно. А знаете, в кино это можно было бы прекрасно разыграть: вы приютили ребенка, привязались к нему, потом возвращается блудный отец и у вас начинается роман...

– У меня не может быть романа с таким идиотом! – сердито отрезала Майя.

– Ах боже мой, романы могут быть и с идиотами, и с мерзавцами, в жизни всякое случается. К тому же я имела в виду не конкретно вас...

– Я понимаю. Значит, вы ничего об Инге не знаете?

– Погодите, если я ничего не путаю, она водила дружбу с Валентиной, которая живет на третьем этаже. Может, она в курсе. Вы с ней знакомы?

– Нет, к сожалению.

– Хорошо, я сейчас ей позвоню. Алло, Валечка, с Новым годом! Спасибо, дорогая. Валюта, у меня к вам один вопрос, довольно деликатный... Прекрасно, просто замечательно! – Генриетта Павловна повесила трубку и объяснила: – Она сейчас поднимется к нам. У нее там трое детей, ужасный шум стоит. А где же сейчас девочка?

– Телевизор смотрит.

– Бедняжка! Может быть, позвать ее сюда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.